

Поварова Ольга Владимировна

Старший научный сотрудник,
Вологодский государственный музей-
заповедник (Вологда, Россия)
E-mail: Olga28_28@mail.ru

Povarova Olga Vladimirovna

Senior Researcher,
Vologda State Museum-Reserve
(Vologda, Russia)
E-mail: Olga28_28@mail.ru

**ОППОЗИЦИЯ «ДОМ» И
«БЕЗДОМНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ
МОТИВА БЕГСТВА ИЗ СЕМЬИ В
РОМАНАХ И.С. ТУРГЕНЕВА
«НАКАНУНЕ» И Н.С. ЛЕСКОВА
«НЕКУДА»**

**THE OPPOSITION “HOME” AND
“HOMELESSNESS” IN THE
CONTEXT OF THE MOTIVE OF
ESCAPE FROM THE FAMILY IN
THE NOVELS “THE DAY BEFORE”
BY I.S. TURGENEV AND
“NOWHERE” BY N.S. LESKOV**

Аннотация. «Дом» и «бездомность» являются ключевыми понятиями романов И.С. Тургенева и Н.С. Лескова в развитии архетипического мотива бегства из семьи. В каждом из произведений эти оппозиционные категории получают свое наполнение, раскрываясь в поступках и сознании главных героинь. Мотив бегства из семьи интересен для исследователей литературы периода 1860-х гг. как сюжетообразующий элемент и как художественная категория.

Abstract. “Home” and “homelessness” are key concepts of the novels of I. S. Turgenev and N. S. Leskov in the framework of the archetypal motive of escape from the family. In each of these works, these opposition categories receive their content, revealing themselves in the actions and consciousness of the main characters. The motive of escape from the family is interesting for researchers of the literature of the 1860s. The motive is both a plot-forming element and a cultural category.

Ключевые слова: мотив, дом, бездомность, оппозиция

Keywords: motive, house, homelessness, opposition

Введение

Представление о доме для человека, как правило, связано с положительными ассоциациями и воспоминаниями. Понятие «бездомности» противоположно по своему смысловому наполнению.

Категория «дома» обозначает онтологическое, сакральное явление, символ бытия. Тема дома всегда являлась одной из главных составляющих культурного освоения мира человеком. Дом как важнейшая человеческая потребность присутствует на второй ступени в пирамиде А. Маслоу [16]. Бинарная оппозиция дома и бездомности формирует, наряду с другими, представление о литературе и культуре как исторических, цивилизационных целостностях. Анализ понятий «дом» и «бездомность» и характеристика границы, разделяющей эти два понятия, лежит в основе классических трудов М.М. Бахтина [2], Э. Гуссерля [4], Ж.П. Сартра [8] и др. Современные исследователи XX–XXI вв. также обращаются к проблеме соотношения этих понятий. Так, трактовка «дома» и «бездомности» как проекций картины мира, как главных символов культурного пространства представлена в работе В.Н. Топорова [11, с. 227–228]; проблема возвращения домой «блудного сына» рассматривается в статье А.В. Чернова [13, с. 151–158]; вопрос влияния дома и бездомности на материальную и духовную жизнь человека – в работе С.С. Ярошенко [15, с. 34–42].

Эти оппозиционные категории часто присутствуют в произведениях, где определяющую роль играет мотив бегства из семьи. Мотив – это сюжетообразующий элемент, обладающий такими характеристиками, как целостность и неразложимость, повторяемость [10, с. 194]. Помимо повторяемости и неразложимости мотива исследователи называют в качестве его признаков динамичность, «подвижность»: «мотив динамичен (предикативен), поскольку подвигает вперед движение рассказа» [1, с. 243]. А.Н. Веселовский впервые поставил вопрос о вечных мотивах и парадигмах художественных образов в литературе [3, с. 301].

Мотив бегства из семьи можно рассматривать как архетипический, ибо он реализуется уже в библейском сюжете о блудном сыне, а в дальнейшем развивается в романах и повестях разных веков. Наиболее распространенным он является в 60-е годы XIX века. Это важный сюжетообразующий элемент в романе «Накануне» И.С. Тургенева (1860), романе «Униженные и оскорбленные» Ф.М. Достоевского (1861), романе «Что делать?» Н.Г. Чернышевского (1863), романе «Некуда» Н.С. Лескова (1864) и др.

В каждом из этих произведений понятия «дома» и «бездомности» получают свое специфическое содержание. Рассмотрим эти художественные категории в контексте мотива бегства из семьи в романах Тургенева и Лескова.

1860-е годы – это особое, переломное время в российской истории. Одна из его характерных примет – появление «нового человека»: деятельного, энергичного, волевого и целеустремленного; и это не только мужчина. Именно в это время определенная часть женщин из дворянской среды тоже предпринимает попытки реализовать себя в общественной жизни. В женщине пробуждается чувство личности, самосознание, гражданская активность. Неслучайно именно в 1860-е годы возникает проблема женской эмансипации. В связи с этим в литературе появляется совершенно новый тип героини, который в значительной степени отражает новые веяния времени. Однако художественное осмысление этого эпохального характера оказалось разным.

Основная часть

Героинь романов И.С. Тургенева и Н.С. Лескова можно назвать представительницами «новых людей», но если тургеневская Елена Стахова – это, как пишет современный исследователь, зарождающийся «провозвестник <...> новой жизни» [9, с. 485], то Лиза Бахарева, по мнению И.Л. Столяровой, – обладательница явных черт «чистой нигилистки» [9, с. 126].

Тургеневская героиня готова творить «деятельное добро» [12, с. 183]. Писатель показывает, как постепенно формируется в ее сознании эта цель. Предпосылки – особенности ее характера, человеческие качества – доброта и сострадательность, которые в детстве распространяются на дружбу с крестьянской девочкой или помощь животным.

Отец часто подшучивал над ней по этому поводу: «Он очень негодовал на свою дочь за ее, как он выражался, пошлое нежничанье и уверял, что от собак да кошек в доме ступить негде. "Леночка, – кричал он ей, бывало, – иди скорей, паук муху сосет, освобождай несчастную!" И Леночка, вся встревоженная, прибегала, освобождала муху, расклеивала ей лапки. "Ну, теперь дай себя покусать, коли ты такая добрая", – иронически замечал отец; но она его не слушала» [12, с. 183].

Она много читает: «Гувернантка эта очень любила литературу и сама пописывала стишки; она приохотила Елену к чтению, но чтение одно ее не удовлетворяло» [12, с. 182–183]. Елена склонна к анализу – себя и окружающего мира – и потому ведет дневник. Характерно, что уйдя из семьи, «дневник свой она покончила: она под по-

следнюю строкой провела большую черту. То было прошедшее, а она всеми помыслами своими, всем существом ушла в будущее» [12, с. 243].

Елена понимает то, что происходит в семье и, несомненно, чувствует фальшь в отношениях между родителями, хотя Тургенев прямо об этом не говорит. Однако развернутая авторская характеристика отца и матери Елены позволяет понять, что она не может уважать родителей и чувствовать к ним сердечной привязанности: «Сперва, в раннем детстве, она обожала отца, потом страстно привязалась к матери и годам к десяти охладела к обоим, особенно к отцу» [12, с. 182]. Это, несомненно, облегчает ей расставание с родительским домом. Мотив бегства из семьи у И.С. Тургенева тесно связан с характерным для автора психологизмом – часто героиня раскрывает читателю свои дальнейшие шаги в диалоге с другими персонажами, рассказывает о своих мыслях и действиях.

Знакомство с нищей девочкой Катей (Елене было в это время десять лет) впервые пробудило у героини желание покинуть дом. Елена после встреч с Катей «часто думала о том, как она вырежет себе ореховую палку, и сумку наденет, и убежит с Катей, как она будет скитаться по дорогам в венке из васильков – она однажды видела Катю в таком венке» [12, с. 183]. В нищей девочке Стахова увидела независимость, какую-то пока не угаданную ею самой цель жизни. Автор, описывая состояние героини после встреч с Катей, отмечает, что каждая встреча оставляла в ней неизгладимый след, ей было «страшно и чудно <...> и сладко на сердце» [12, с. 184]. После смерти Кати от горячки Елена часто слышала во сне последние слова нищей девочки – о свободе. Стаховой «самой казалось, что ее зовут...» [12, с. 184], она «билась, как птица в клетке, а клетки не было» [12, с. 184]. Елена не раз предпринимала попытки объяснить родным, что «она желает чего-то, чего никто не желает, о чем никто не мыслит в целой России» [12, с. 184], на что окружающие «часто были вправе пожимать плечами, удивляться и не понимать ее "странностей"» [12, с. 184].

Знакомство с Дмитрием Инсаровым, необыкновенным человеком, цель жизни которого – борьба за освобождение угнетенного болгарского народа, окончательно подталкивает ее к решению уйти из дома вместе с возлюбленным. Елена понимает, что «слово ее сердца найдено, что она удовлетворена, что выше этой цели нельзя поставить себе и что на всю ее жизнь, на всю ее будущность достанет деятельного содержания, если только она пойдет с этим человеком» [5, с. 597]. Мотив бегства из семьи в романе Тургенева не столь трагичен, как в романе Лескова. Елена Стахова совершает «условное бегство»: перед отъездом с мужем в Болгарию она все-таки получает благословление родителей.

Современники Лескова видели в Лизе Бахаревой – героине романа «Некуда» – «развитие характера "тургеневской девушки"» [14, с. 97]. Как и Елена Стахова, Лиза Бахарева проникнута желанием свободы, поиском себя, но в отличие от тургеневской героини, она, как пишет Н. Шелгунов, «ищет не героя, а героев» [14, с. 98], единомышленников. Цель своего существования Лиза определяет следующим образом: «Я терпеть не могу систем <...> Я хочу жить без указки всегда и во всем» [6, с. 103]. Убеждения Бахаревой, отрицание традиционных дворянских устоев подтверждаются книгами, которые девушка читает беспрестанно. Среди книг важное место занимает, например, публицист Пьер Прудон: «И ехали эти книжки шутки ради в Мерево, к Лизе от Женни, а оттуда возвращались с лаконическими надписями: "читала", "читала"» [6, с. 109].

После возвращения из института в родительский дом Лиза понимает, что ей скучно коротать вечера в пустых разговорах о быте и расходах, пересказывая местные сплетни. Отец и мать для нее – люди прошлого времени. Отец, Егор Николаевич Бахарев, – кавалерийский полковник и местный уездный предводитель дворянства.

Ольга Сергеевна – мать Лизы – нервическая дама, которая при любом волнении ложится в постель с повязкой на голове и пьет гофманские капли. Окружение Лизы в целом вызывает авторскую иронию. «На стороне старых интересов оставалась масса людей, которую по их способностям Эдуард Уитти справедливо называет разрядом плутов или дураков. Это было большинство. Ольга Сергеевна, Зина, Софи оставались с большинством и жили его жизнью», – пишет Лесков [6, с. 108].

В главе «Старое с новым» автор дает возможность героине четко определить свое отношение к родственникам: «Вы отстали от современного образа мыслей» [6, с. 111]. В разговоре с монахиней Агнией, тетей героини, к которой Лиза испытывает доверие, она говорит о тех жизненных принципах, нормах отношений, которые ей близки: отрицание семейного деспотизма, рабства женщины, труд на благо общества. В поведении и мыслях Лизы прослеживается ее привязанность идеалам нигилизма и эмансипации. Бегство из дома для Лизы – выход, возможность самореализации, обретения единомышленников. Вскоре в жизни Лизы появляется «революционер в пользу дела», «иностранец» Райнер. В отличие от Тургенева, в сюжете романа Лескова любовная линия сведена на «нет»: Лиза разделяет убеждения Райнера, но он для нее только единомышленник, но не возлюбленный. Объясняя причины своей привязанности к нему, Лиза говорит: «С ними у меня общего... хоть ненависть... хоть неумение мириться с тем обществом, с которым все вы миритесь... а с вами... Ничего!» [6, с. 176]. Однако уйдя, как ей кажется, в новую жизнь, Лиза ее не обретает.

Слово «некуда» неслучайно в тексте выделено курсивом и вынесено в название – в нем заключена основная мысль романа. Героям «некуда» идти. По сути, Лиза сбегает в «никуда». Бездомность для Лизы равна безысходности. Бегство не становится тем долгожданным выходом, которого она так хотела, будучи в родном доме. Лесков дает патетичное название главе, где описывается быт «коммуны», в которой живет Лиза после побега, – «Domus» (дом). Слово «дом», приведенное на латинице, в контексте этой главы приобретает саркастический характер. Кроме общего небогатого имущества и статуэтки Гарибальди на окне, здесь ничто не напоминает о высоких целях общего проживания; о том доме, о котором мечтала Лиза, покинув родные стены. У нее нигде нет того дома, куда бы она стремилась. Бунтарская натура Лизы, ее желание быть полезной, увлечение идеологией нигилизма не дает ей возможности принять традиционные ценности, а обрести новые она не умеет и не может. В каком-то смысле героиня романа «Некуда» типичный для Лескова образ «очарованного странника».

Выводы

Мотив бегства из семьи в рассматриваемых романах является одним из основных в структуре сюжета, а также в создании образов главных героинь. При сопоставлении произведений Тургенева и Лескова обнаруживается типологическое сходство в поведении Елены Стаховой и Лизы Бахаревой, в нравственно-психологических мотивах этого поведения. Елена Стахова и Дмитрий Инсаров – участники освободительного движения в Болгарии, Лиза Бахарева и Райнер – нигилисты, которые пропагандируют новые идеи. Однако если Елена остается верна своему долгу до конца жизни, продолжая дело любимого человека, найдя свой истинный дом на родине мужа, то Лизе суждено скитаться, быть бездомной и обреченной на гибель.

Представление о доме у обеих героинь не связано с атмосферой родительского дома; обе девушки представляют себе некий романтический мир «там», противоположный тому, что они находят «здесь». Вне дома и Елена Стахова, и Лиза Бахарева готовы к реализации своей главной цели – стать нужными обществу, совершить что-то значимое для людей. Таким образом, традиционный архетипический мотив бегст-

ва из семьи, с одной стороны, сближает героинь Тургенева и Лескова, с другой стороны, получает у каждого писателя индивидуальное авторское решение.

Литература

1. Андреев Н.П. Проблема тождества сюжета // Фольклор. Проблемы историзма. М., 1988. 301 с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 502 с.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940. 648 с.
4. Гуссерль Э. Собрание сочинений: Т. 4. Картезианские медитации. М., 2001. 142 с.
5. Добролюбов Н.А. Когда же придет настоящий день? М., 1986. 416 с.
6. Лесков Н.С. Некуда. Роман в 3-х книгах // Н.С. Лесков. Собрание сочинений: в 12 т. М., 1989. 438 с.
7. Никольский С.А., Филимонов В.П. Русское мировоззрение. Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечественной философии и классической литературе 40–60-х гг. XIX столетия. М., 2009. 540 с.
8. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000. 639 с.
9. Столярова И.В. Лесков // История всемирной литературы: В 8 т. Т. 7. М., 1983–1994. С. 124–130.
10. Тамарченко Н.Д. Сюжет и мотив: между «темой» и текстом. «Комплекс мотивов» и типы сюжетных схем // Теоретическая поэтика: понятия и определения. М., 2001. 286 с.
11. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. 304 с.
12. Тургенев И.С. Накануне // Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 6. М., 1981. 516 с.
13. Чернов А.В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. Петрозаводск, 1998. С. 151–158.
14. Шелгунов Н.В. Литературная критика. Л., 1974. 312 с.
15. Ярошенко С.С. Четыре социологических объяснения бедности (опыт анализа зарубежной литературы) // Социологические исследования. М., 2006, С. 34–42.
16. Maslow A.H. Motivation and Personality. New York, 1954. 395 p.

References

1. Andreev N.P. Problema tozhdestva siuzheta [Problem of identity of the plot]. *Fol'klor. Problemy istorizma* [Folklore. Problems of Historicism]. Moscow, 1988. 301 p.
2. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, 1975. 502 p.
3. Veselovskii A.N. Poetika siuzhetov [Poetics of Plots]. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Leningrad, 1940. 648 p.
4. Gusserl' E. *Kartezijskie meditatsii* [Cartusian Meditations]. Moscow, 2001. 142 p.
5. Dobroliubov N.A. *Kogda zhe pridet nastoiashchii den'*? [When will the real day come?]. Moscow, 1986. 416 p.
6. Leskov N.S. Nekuda. Roman v 3-kh knigakh [Nowhere. The novel in 3 books]. *Sobranie sochinenii v 12 tomakh* [Collected works in 12 volumes]. Moscow, 1989. 438 p.
7. Nikol'skii S.A., Filimonov V.P. *Russkoe mirovozzrenie. Kak vozmozno v Rossii pozitivnoe delo: poiski otveta v otechestvennoi filosofii i klassicheskoi literature 40–60-kh gg. XIX stoletia* [Russian outlook. How is it possible in Russia to be positive: the search for answers in the domestic philosophy and classical literature of the 40-60's XIX century]. Moscow, 2009. 540 p.
8. Sartre Zh.P. *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and nothingness: The experience of a phenomenological ontology]. Moscow, 2000. 639 p.
9. Stoliarova I.V. Leskov [Leskov]. *Istoriia vseмирnoi literatury: V 8 tomakh* [History of World Literature: In 8 volumes]. Vol. 7. Moscow, 1983–1994, pp. 124–130.
10. Tamarchenko N.D. Siuzhet i motiv: mezhdzhu “temoi” i tekstem. “Kompleks motivov” i tipy siuzhetnykh skhem [The plot and the theme: between the “theme” and the text. “Complex of mo-

tives” and types of plot schemes]. *Teoreticheskaia poetika: poniatiia i opredeleniia* [Theoretical poetics: concepts and definitions]. Moscow, 2001. 286 p.

11. Toporov V.N. *Prostranstvo i tekst* [Space and text]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow, 1983. 304 p.

12. Turgenev I.S. Nakanune [The day before]. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v tridcati tomah* [Complete works and letters in thirty volumes]. Vol. 6. Moscow, 1981. 516 p.

13. Chernov A.B. Arkhetip “bludnogo syna” v russkoi literature XIX veka [Archetype of the “Prodigal Son” in Russian Literature of the 19th Century]. *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII-XX vv* [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th – 20th Centuries]. Petrozavodsk, 1998, pp. 151–158.

14. Shelgunov N.V. *Literaturnaia kritika* [Literary criticism]. Leningrad, 1974. 312 p.

15. Iaroshenko S.S. Chetyre sotsiologicheskikh ob"iasneniia bednosti (opyt analiza zarubezhnoi literatury) [Four sociological explanations of poverty (the experience of analyzing foreign literature)]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research]. Moscow, 2006, pp. 34–42.

16. Maslow A.H. *Motivation and Personality*. New York, 1954. 395 p.

Примечание: Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Н.В. Володиной.

Поварова О.В. Оппозиция «дом» и «бездомность» в контексте мотива бегства из семьи в романах И.С. Тургенева «Накануне» и Н.С. Лескова «Некуда» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №4(79). С. 90–95.

For citation: Povarova O.V. The opposition “home” and “homelessness” in the context of the motive of escape from the family in the novels “The day before” by I.S. Turgenev and “Nowhere” by N.S. Leskov. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 4 (79), pp. 90–95.